

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков

Белинский в «Письме к Гоголю» (1847) писал: «...Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Шешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей! Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: возможность крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров...»

Я испытываю чувство некоторой неловкости, говоря о Достоевском. В своих лекциях я обычно смотрю на литературу под единственным интересным мне углом, то есть как на явление мирового искусства и проявление личного таланта. С этой точки зрения Достоевский писатель не великий, а довольно посредственный, со вспышками непревзойденного юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустошами литературных банальностей. В «Преступлении и наказании» Раскольников неизвестно почему убивает старуху-процентщицу и ее сестру. Справедливость в образе неумолимого следователя медленно подбирается к нему и в конце концов заставляет его публично сознаться в содеянном, а потом любовь благородной проститутки приводит его к духовному возрождению, что в 1866 г., когда книга была написана, не казалось столь невероятно пошлым, как теперь, когда просвещенный читатель не склонен обольщаться относительно благородных проституток. Однако трудность моя состоит в том, что не все читатели, к которым я сейчас обращаюсь, достаточно просвещенные люди. Я бы сказал, что добрая треть из них не отличает настоящую литературу от псевдолитературы, и им-то Достоевский, конечно, покажется интереснее и художественнее, чем всякая дребедень вроде американских исторических романов или вещицы с неприятным названием «Отныне и вовек» и тому подобный вздор.

Тем не менее, я в своем курсе собираюсь подробно разбирать произведения действительно великих писателей — а именно на таком высоком уровне и должна вестись критика Достоевского. Во мне слишком мало от академического профессора, чтобы преподавать то, что мне не нравится. Не скрою, мне страстно хочется Достоевского развенчать. Но я отдаю себе отчет в том, что рядовой читатель будет смущен приведенными доводами.

* * *

Федор Михайлович Достоевский родился в 1821 г. в довольно бедной семье. Его отец служил лекарем в одной из московских больниц для бедных, а положение лекаря в России было тогда весьма скромным, и семья Достоевских жила в довольно убогом квартале и в условиях, чрезвычайно далеких от роскоши. Его отец являл собою домашнего тирана и был убит при невыясненных обстоятельствах. Критики фрейдистского толка склонны усматривать автобиографический момент в отношении Ивана Карамазова к убийству отца хотя Иван и не был настоящим отцеубийцей, но, зная о готовящемся преступлении и не предотвратив его, стал соучастником. По мнению этих критиков, Достоевский, собственный отец которого был убит кучером, всю жизнь мучился похожим комплексом вины. Как бы то ни было, Достоевский несомненно страдал неврастенией и с детства был подвержен таинственному недугу эпилепсии. Несчастья, выпавшие на его долю позже, усугубили болезненное состояние его духа и обострили недуг.

Сначала Достоевский учился в московском пансионе, а затем в Военно-инженерном училище в Петербурге. Он был равнодушен к военному делу, но отец мечтал о

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru военной карьере для сына. Но и в училище он отдавал большую часть времени изучению литературы. После окончания, как все выпускники этого учебного заведения, он отслужил сколько полагалось в департаменте. В 1844 г. он оставил службу и целиком посвятил себя литературе. Его первая книга «Бедные люди» (1846) поразила и критиков, и читателей. Существует множество легенд о том, как она была встречена. Друг Достоевского, писатель Дмитрий Григорович, уговорил его показать рукопись Некрасову, в то время издававшему наиболее влиятельный литературный журнал «Современник». Некрасов и его приятельница Авдотья Панаева устроили в редакции журнала литературный салон, куда были вхожи все литературные знаменитости того времени. Тургенев, а вслед за ним и Толстой входили в число его постоянных гостей вместе с критиками левого направления Чернышевским и Добролюбовым. Напечататься в «Современнике» было достаточно, чтобы составить себе имя. Достоевский отдал роман Некрасову, а ночью в постели не мог отделаться от дурных предчувствий: «Они будут смеяться над моими „Бедными людьми“», – твердил он про себя. Но в четыре часа утра его разбудили Некрасов и Григорович. Они ворвались к нему в комнату, задушили сочными российскими поцелуями, рассказали, что сели читать рукопись вечером и не могли оторваться, пока не прочли ее до конца. От избытка чувств они решили разбудить автора и не медля ни секунды сообщить ему о своем впечатлении. «Ну и что же, что он спит, это поважнее сна», решили они.

Некрасов отдал рукопись Белинскому, объявив при этом, что родился новый Гоголь. «Гоголи у вас растут, как грибы», – сухо заметил Белинский. Но прочитав «Бедных людей», пришел в такой же восторг, тотчас потребовал, чтобы его представили новому автору, и сам обрушил на него поток комплиментов. Достоевский прослезился от радости; «Бедные люди» были напечатаны в некрасовском «Современнике». Успех был огромен, но, к сожалению, непродолжителен. Его вторая повесть «Двойник» (1846) – лучшая и, конечно, значительно более совершенная, чем «Бедные люди», – была принята довольно холодно. Но Достоевский уже успел возомнить о себе невесть что и, наивный, неотесанный, плохо воспитанный, не раз умудрился поставить себя в глупое положение и перессорился со своими новыми друзьями и поклонниками. Тургенев прозвал его прыщом на носу русской литературы.

Юношеские политические симпатии Достоевского были на стороне радикалов и отчасти западников. Он также примыкал к тайному обществу молодых людей, последователей Сен-Симона и Фурье, не являясь, однако, его фактическим членом. Эти молодые люди собирались в доме служащего государственного департамента Михаила Петрашевского, где зачитывали вслух и обсуждали сочинения Фурье, беседовали о социализме и критиковали правительство. После волны революций, захлестнувшей Европу в 1848 г, в России началась реакция, правительство было встревожено и обрушилось на всех инакомыслящих. Петрашевцы были арестованы, в том числе и Достоевский. Его обвинили в участии в заговоре, распространении «Письма Белинского к Гоголю», полного оскорбительных выражений в адрес православной церкви и царской власти, и в попытке распространения антиправительственных сочинений с помощью частной типографии. Во время предварительного следствия он находился в Петропавловской крепости, где начальником был генерал Набоков, мой предок. (Переписка между генералом Набоковым и Николаем I об этом заключенном довольно забавна.) Приговор оказался суровым – восемь лет каторги в Сибири (этот срок позднее был наполовину уменьшен). Перед тем как приговоренным зачитали окончательное решение суда, с ними разыграли до предела жестокий фарс: объявили, что их ждет смертная казнь, привели на плац, раздели до белья и первую партию узников привязали к столбам. И лишь затем зачитали настоящий приговор. Один из приговоренных сошел с ума. Переживания этого дня оставили глубокий след в душе Достоевского и никогда не изгладились из памяти.

Четыре года каторжных работ Достоевский провел в обществе убийц и воров – никакого разграничения между уголовными и политическими преступниками еще не делалось. Свои впечатления он описал в «Записках из мертвого дома» (1862). Вещь страшная! Все унижения и тяготы, которые он вынес оттуда, описаны с щепетильной обстоятельностью, как и сами преступники, среди которых он жил. Чтобы не сойти с ума в этих условиях, Достоевский должен был найти какой-то выход. Им стала болезненная форма христианства, к которой он пришел за эти годы. Вполне очевидно, что осужденным, среди которых он жил, были присущи не только чудовищное зверство, но и некоторые признаки человечности. Достоевский сгустил отдельные проявления человечности и построил на них очень искусственную и совершенно патологическую концепцию, доходившую до крайней идеализации простого русского народа. Это был первый шаг на пути его долгого духовного развития. В 1854 г., когда окончился срок заключения, его отдали в солдаты, в полк, стоявший

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru в далеком сибирском городке. В 1855 г. умер Николай I, и на престол вззошел его сын, Александр II. Это был лучший русский царь за всю историю прошлого века. (По иронии судьбы он погиб от рук революционеров, буквально разорванный пополам брошенной в него бомбой.) В начале его правления многие заключенные получили амнистию. Достоевского восстановили в правах. Через четыре года он получил разрешение вернуться в Петербург. Еще в последние годы, проведенные в Сибири, он снова взялся за перо и написал «Село Степанчиково» (1859) и «Записки из мертвого дома». А в Петербурге с головой ушел в литературную деятельность. Вместе с братом Михаилом он начал издавать журнал «Время». «Записки из подполья» и «Униженные и оскорбленные» (1861) впервые появились в этом журнале. Его отношение к властям претерпело значительные изменения по сравнению с юношескими крайними взглядами. Теперь его политическое кредо звучало как «православие, самодержавие и народность» – три кита, на которых держалось реакционное славянофильство. Социализм и западный либерализм стали для него воплощением западной заразы и дьявольским наваждением, призванным разрушить славянский и христианский мир. Сегодня некоторые так же относятся к фашизму или к коммунизму, видя в них путь всеобщего спасения.

Его личная жизнь складывалась неудачно. В Сибири он женился, но брак этот не принес ему счастья. В 1862–1863 гг. у него была связь с одной писательницей, они вместе посетили Англию, Францию и Германию. Эта женщина, которую он позднее называл «инфернальной», по всей видимости, была его злым гением. Позже она вышла замуж за Розанова, замечательного писателя, сочетавшего блески необыкновенного таланта с моментами поразительной наивности. (Я знал Розанова, когда он уже был женат на другой.) Эта женщина, вероятно, оказала не очень благотворное влияние на Достоевского, еще более расстроив его неустойчивую психику. В Германии впервые проявилась его страсть к карточной игре – бич семьи и непреодолимое препятствие к хоть какому-нибудь достатку в доме.

После смерти брата журнал, который он издавал, закрылся. Достоевский обанкротился, и на него легло бремя забот о семье брата – обязанность, которую он сразу же добровольно взял на себя. Чтобы справиться с этой непосильной ношей, Достоевский рьяно принялся за работу. Все самые известные сочинения: «Преступление и наказание» (1866), «Игрок» (1867), «Идиот» (1868), «Бесы» (1872), «Братья Карамазовы» (1880) и др. – создавались в условиях вечной спешки: он не всегда имел возможность даже перечитать написанное, вернее – продиктованное стенографисткам. В лице одной из них он встретил, наконец, очень преданную ему женщину с изрядной практической жилкой, с ее помощью стал укладываться в сроки и выпутался из финансового кризиса. В 1867 г. он женился на ней. Это был счастливый брак. С 1867-го по 1871 г. они достигли относительного материального благополучия и смогли вернуться в Россию. С тех пор и до самой своей смерти Достоевский жил сравнительно спокойно. «Бесы» имели огромный успех. Вскоре после их появления ему предложили печататься в консервативном журнале «Гражданин», который издавал князь Мещерский. Перед смертью он работал над вторым томом романа «Братья Карамазовы», прославившегося больше всех остальных романов.

Но еще большую известность получила его речь на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г. За этим грандиозным событием стояла страстная любовь России к Пушкину. Лучшие писатели 19 в. приняли в нем участие. Но самый ошеломляющий успех получила речь Достоевского. Суть ее сводилась к тому, что Пушкин есть выражение русского национального духа с его всемирной отзывчивостью, который чутко откликается на идеалы других народов, но духовно осмысливает и преобразует их. В этой способности Достоевский видел свидетельство всемирной миссии русского народа. Читая речь сегодня, трудно понять причину ее оглушительного успеха. Но если вспомнить, что в это время вся Европа противостояла росту русского самосознания и могущества, мы лучше поймем, какую бурю чувств вызвала эта речь в патриотических душах слушателей.

Через год, в 1881 г., незадолго до смерти Александра II, Достоевский умер, заслужив всеобщее признание и почитание.

* * *

Влияние западной литературы во французских и русских переводах, сентиментальных и готических романов Ричардсона (1689–1761), Анны Радклифф (1764–1823), Диккенса (1812–1870), Руссо (1712–1778) и Эжена Сю (1804–1857) сочетается в произведениях Достоевского с религиозной экзальтацией, переходящей в мелодраматическую сентиментальность.

Следует отличать «сентиментальность» от «чувствительности». Сентиментальный человек может быть в частной жизни чрезвычайно жестоким. Тонко чувствующий человек никогда не бывает жестоким. Сентиментальный Руссо, способный всхлипывать над прогрессивной идеей, рассовал своих многочисленных детей по разным приютам и работным домам и впоследствии никогда не принимал участия в их судьбе. Сентиментальная старая дева может кормить своего попугая лакомствами и отравить племянницу. Сентиментальный политик никогда не пропустит Дня матери и безжалостно расправится со своим соперником. Сталин любил детей. У Ленина исторгала рыдания опера, особенно «Травиата». Целый век писатели воспевали простую жизнь бедняков. Так вот, когда мы говорим о сентименталистах – о Ричардсоне, Руссо, Достоевском, – мы имеем в виду неоправданное раздувание самых обычных чувств, автоматически вызывающее в читателе естественное сострадание.

Достоевский так и не смог избавиться от влияния сентиментальных романов и западных детективов. Именно к сентиментализму восходит конфликт, который он так любил: поставить героя в унижительное положение и извлечь из него максимум сострадания. Когда после возвращения из Сибири начали созревать идеи Достоевского: спасение через грех и покаяние, этическое превосходство страдания и смирения, непротипление злу, защита свободной воли не философски, а нравственно, и, наконец, главный догмат, противопоставляющий эгоистическую антихристианскую Европу братски-христианской России, – когда все эти идеи (досконально разобранные в сотнях учебников) хлынули в его романы, сильное западное влияние все еще оставалось, и хочется сказать, что Достоевский, так ненавидевший Запад, был самым европейским из русских писателей.

Интересно проследить литературную родословную его героев. Его любимец, герой древнерусского фольклора Иванушка-дурачок, которого братья считают бестолковым придурком, на самом деле дьявольски изворотлив. Совершенно бессовестный, непоэтичный и малопривлекательный тип, олицетворяющий тайное торжество коварства над силой и могуществом, Иванушка-дурачок, сын своего народа, пережившего столько несчастий, что с лихвой хватало бы на десяток других народов, как ни странно – прототип князя Мышкина, главного героя романа Достоевского «Идиот», положительного, чистого, невинного дурачка, источающего смирение, самоотречение и душевный мир. У князя Мышкина, в свою очередь, есть внук, недавно созданный современным советским писателем Михаилом Зощенко, – тип бодрого дебила, живущего на задворках полицейского тоталитарного государства, где слабоумие стало последним прибежищем человека.

Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства – всем этим восхищаться нелегко.

Мне претит, как его герои «через грех приходят ко Христу», или, по выражению Бунина, эта манера Достоевского «совать Христа где надо и не надо». Точно так же, как меня оставляет равнодушным музыка, к моему сожалению, я равнодушен к Достоевскому-пророку. Лучшим, что он написал, мне кажется «Двойник». Эта история, изложенная очень искусно, по мнению критика Мирского, – со множеством почти джойсовских подробностей, густо насыщенная фонетической и ритмической выразительностью, – повествует о чиновнике, который сошел с ума, вообразив, что его сослуживец присвоил себе его личность. Повесть эта – совершенный шедевр, но поклонники Достоевского-пророка вряд ли согласятся со мной, поскольку она написана в 1840 г., задолго до так называемых великих романов, к тому же подражание Гоголю подчас так разительно, что временами книга кажется почти пародией.

В свете исторической эволюции художественного видения Достоевский крайне любопытное явление. Внимательно изучив любую его книгу, скажем, «Братья Карамазовы», вы заметите, что в ней отсутствуют описания природы, как и вообще все, что относится к чувственному восприятию. Если он и описывает пейзаж, то это пейзаж идейный, нравственный. В его мире нет погоды, поэтому как люди одеты, не имеет особого значения. Своих героев Достоевский характеризует с помощью ситуаций, этических конфликтов, психологических и душевных дразг. Описав однажды наружность героя, он по старинке уже не возвращается к его внешнему облику. Так не поступает большой художник; скажем, Толстой все время мысленно следит за своими героями и точно знает особый жест, которым в ту или иную минуту те воспользуются. Но есть в Достоевском нечто еще более необыкновенное. Казалось, самой судьбой ему было уготовано стать величайшим русским драматургом, но он не

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нашел своего пути и стал романистом. Роман «Братья Карамазовы» всегда казался мне невероятно разросшейся пьесой для нескольких исполнителей с точно рассчитанной обстановкой и реквизитом: «круглый след от мокрой рюмки на садовом столе», окно, раскрашенное желтой краской, чтобы все выглядело так, словно снаружи сияет солнце, и куст, поспешно внесенный и с размаху брошенный рабочим сцены.

* * *

Позвольте мне указать на еще один метод обращения с литературой: простейший и, быть может, важнейший. Если вам не нравится книга, вы все-таки можете получить от нее удовольствие, воображая себе иной, более правильный взгляд на вещи или, что то же самое, выражая свое отношение к ним иначе, чем ненавистный автор. Посредственное, фальшивое, пошлое (запомните это слово) может по крайней мере принести злорадное, но крайне полезное удовольствие, пока вы чертыхаетесь над второсортной книгой, удостоенной премии. Но книги, которые вы любите, нужно читать, вздрагивая и задыхаясь от восторга. Позвольте мне дать вам один практический совет. Литературу, настоящую литературу, не стоит глотать залпом, как снадобье, полезное для сердца или ума, этого «желудка» души. Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов, – тогда вы получаете ее сладостное благоухание в глубине ладоней; ее нужно разгрызть, с наслаждением перекатывая языком во рту – тогда и только тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат, и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови.

* * *

Принимаясь за работу, художник ставит себе определенную задачу. Он подбирает героев, время и место, а затем находит те особые обстоятельства, которые позволят действию развиваться естественно, то есть без всякого насилия над материалом, развиваться естественно и логично из сочетания и взаимодействия пущенных им в ход сил. Мир, ради этого созданный, может быть совершенно нереальным – например, мир Кафки или Гоголя, – но есть одно неперемное условие, которое мы вправе от него требовать: пока он существует, этот мир должен вызывать доверие у читателя или зрителя. Совершенно неважно, например, что Шекспир вводит в пьесу тень отца Гамлета. Неважно, согласимся ли мы с критиками, утверждающими, что современники Шекспира верили в привидения и поэтому он оправданно прибегает к ним в своих драмах, или допустим, что призрак – сценическая условность. С того момента, как дух убитого короля появляется в трагедии, мы верим в него и не сомневаемся, что Шекспир был вправе сделать его действующим лицом. В сущности, подлинная мера таланта есть степень непохожести автора и созданного им мира, какого до него никогда не было, и что еще важнее – его достоверность. Предлагаю вам оценить мир Достоевского с этой точки зрения.

Затем, обращаясь к художественному произведению, нельзя забывать, что искусство – божественная игра. Эти два элемента – божественность и игра равноценны. Оно божественно, ибо именно оно приближает человека к Богу, делая из него истинного полноправного творца. При всем том искусство – игра, поскольку оно остается искусством лишь до тех пор, пока мы помним, что в конце концов это всего лишь вымысел, что актеров на сцене не убивают, иными словами, пока ужас или отвращение не мешают нам верить, что мы, читатели или зрители, участвуем в искусной и захватывающей игре; как только равновесие нарушается, мы видим, что на сцене начинает разворачиваться нелепая мелодрама, а в книге – леденящее душу убийство, которому место скорее в газете. И тогда нас покидает чувство наслаждения, удовольствия и душевного трепета – сложное ощущение, которое вызывает у нас истинное произведение искусства. Нам ведь не внушают ни отвращения, ни ужаса кровавые финальные сцены трех величайших на свете пьес: смерть Корделии, убийство Гамлета и самоубийство Отелло. Мы содрогаемся, но в этой дрожи есть известное наслаждение. Мы восхищаемся не гибелью героев, но всепобеждающим гением Шекспира. Я бы хотел, чтобы вы оценили «Преступление и наказание» и «Записки из подполья» (1864) именно с этой точки зрения: перевешивает ли эстетическое наслаждение, которое вы испытываете, сопровождая Достоевского в его путешествиях в глубь больных душ, всегда ли оно перевешивает другие чувства – дрожь отвращения и нездоровый интерес к подробностям преступления? В других его романах равновесия между эстетическими достижениями и элементами уголовной хроники еще меньше.

И наконец, когда художник начинает исследовать движения человеческой души под гнетом невыносимых испытаний, наш интерес вспыхивает значительно быстрее и мы

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru охотней следуем за художником, ведущим нас по темным закоулкам души, если ее реакции более или менее человеческие. Я не хочу, разумеется, сказать, что нам интересна или должна быть интересна только духовная жизнь так называемого среднего человека. Разумеется, нет. Я хочу лишь сказать, что едва ли мы можем считать поведение буйнопомешанного или больного, которого только что выпустили из сумасшедшего дома и вот-вот заберут обратно, нормальным, человеческим. Реакции этих заблудших, искалеченных, изуродованных душ уже нельзя считать нормальными человеческими реакциями в общепринятом смысле этого слова, или же они до того причудливы, что поставленная автором задача остается нерешенной, независимо оттого, как он предполагал ее решить, исследуя столь необычные характеры.

Я порылся в медицинских справочниках и составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского:

I. Эпилепсия

Четыре явных случая: князь Мышкин в «Идиоте», Смердяков в «Братьях Карамазовых», Кириллов в «Бесах» и Нелли в «Униженных и оскорбленных».

1) Классический случай представляет собой князь Мышкин.

Он часто впадает в экстатические состояния, склонен к мистицизму, наделен поразительной способностью к состраданию, что позволяет ему интуитивно угадывать намерения окружающих. Он педантично аккуратен, благодаря чему достиг невероятных успехов в каллиграфии. В детстве с ним часто случались припадки, и врачи пришли к заключению, что он неизлечимый «идиот»...

2) Смердяков, незаконнорожденный сын старика Карамазова от юродивой. Еще в детстве он выказывал чудовищную жестокость. Любил вешать кошек, потом хоронил их, совершая над ними богохульный обряд. Смолodu в нем развилось высокомерие, вплоть до мании величия... Он часто бился в припадках падучей... и т. д.

3) Кириллов – этот козел отпущения в «Бесах» – страдает падучей в начальной стадии. Мягкий благородный умный человек и все же явный эпилептик. Он точно описывает первые признаки надвигающегося приступа. Его заболевание осложняется манией самоубийства.

4) Характер Нелли не столь интересен для понимания природы эпилепсии, он ничего не добавляет к тому, что раскрывают три предыдущих случая.

II. Старческий маразм

У генерала Иволгина из «Идиота» старческий маразм, усугубленный алкоголизмом. Это жалкое, безответственное существо, вечно клянчащее деньги на выпивку: «Я отдам, ей-богу, отдам». Когда его уличают во лжи, он на минуту теряется, но тут же снова принимается за старое. Именно эта патологическая склонность к вранью лучше всего характеризует состояние его ума, алкоголизм немало способствует распаду личности.

III. Истерия

1) Лиза Хохлакова в «Братьях Карамазовых», девочка 14 лет, частично парализованная, паралич скорее всего порожден истерией и может быть вылечен разве что чудом... Она не по летам развита, очень впечатлительна, кокетлива, взбалмошна, страдает ночной лихорадкой – все симптомы в точности соответствуют классическому случаю истерии. По ночам ей снятся черти. А днем она мечтает, как будет чинить зло и разрушение. Она охотно пускается в размышления о недавно случившемся отцеубийстве, в котором обвиняют Дмитрия Карамазова: «всем нравится, что он убил», и т. д.

2) Лиза Тушина в «Бесах» все время на грани истерии. Она невероятно нервна и беспокойна, надменна, но при этом проявляет чудеса великодушия. Она подвержена странным причудам и припадкам истерического смеха, завершающегося слезами.

Кроме этих откровенно клинических случаев истерии у героев Достоевского наблюдаются разнообразные формы истерических наклонностей: Настасья Филипповна в «Идиоте», Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании» страдают «нервами»,

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
большая часть женских персонажей отмечена склонностью к истерии.

IV. Психопатия

Психопатов среди главных героев романов множество: Ставрогин – случай нравственной неполноценности, Рогожин – жертва эротомании, Раскольников случай временного помутнения рассудка, Иван Карамазов – еще один ненормальный. Все это случаи, свидетельствующие о распаде личности. И есть еще множество других примеров, включая нескольких совершенно безумных персонажей.

Между прочим, ученые опровергают утверждения некоторых критиков о том, будто бы Достоевский – предшественник Фрейда и Юнга. Зато можно убедительно доказать, что Достоевский многократно использовал сочинение немецкого врача Ц.-Г. Каруса «Психиатрия», опубликованное в 1846 г. Предположение, что Достоевский – предтеча Фрейда, основано на том, что терминология и гипотезы в книге Каруса сходны с фрейдовскими, но основные концепции – разные, в одну и ту же терминологию авторы вкладывали разные идеи.

Сомнительно, можно ли всерьез говорить о «реализме» или «человеческом опыте» писателя, создавшего целую галерею неврастеников и душевнобольных. Кроме всего прочего, у героев Достоевского есть еще одна удивительная черта: на протяжении всей книги они не меняются. В самом начале повествования мы встречаемся с совершенно сложившимися характерами, такими они и остаются, без особых перемен, как бы ни менялись обстоятельства. Например, в случае с Раскольниковым в «Преступлении и наказании» мы видим, как человек приходит к возможности гармонии с внешним миром, что, впрочем, проявляется только внешне, внутренне Раскольников мало меняется, а остальные герои Достоевского и того меньше. Единственное, что развивается в книге, находится в движении, внезапно сворачивает, отклоняется в сторону, захватывая в свой водоворот все новых героев и новые обстоятельства, – это интрига. Раз и навсегда условимся, что Достоевский – прежде всего автор детективных романов, где каждый персонаж, представший перед нами, остается тем же самым до конца, со своими сложившимися привычками и черточками; все герои в том или ином романе действуют, как опытные шахматисты в сложной шахматной партии. Мастер хорошо закрученного сюжета, Достоевский прекрасно умеет завладеть вниманием читателя, умело подводит его к развязкам и с завидным искусством держит читателя в напряжении. Но если вы перечитали книгу, которую уже прочли однажды и знаете все замысловатые неожиданности сюжета, вы почувствуете, что не испытываете прежнего напряжения.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» (1866)

Поскольку Достоевский умеет мастерски закрутить сюжет и с помощью недоговоренностей и намеков держать читателя в напряжении, русские школьники и школьницы упиваются его книгами наравне с Фенимором Купером, Виктором Гюго, Диккенсом и Тургеневым. Мне было двенадцать лет, когда сорок пять лет тому назад я впервые прочел «Преступление и наказание» и решил, что это могучая и волнующая книга. Я перечитал ее, когда мне было 19, в кошмарные годы Гражданской войны в России, и понял, что она затянута, нестерпимо сентиментальна и дурно написана. В 28 лет я вновь взялся за нее, так как писал тогда книгу, где упоминался Достоевский. Я перечитал ее в четвертый раз, готовясь к лекциям в американских университетах. И лишь совсем недавно я, наконец, понял, что меня так коробит в ней. Изъян, трещина, из-за которой, по-моему, все сооружение этически и эстетически разваливается, находится в 10-й главе четвертой части. В начале сцены покаяния убийца Раскольников открывает для себя благодаря Соне Новый Завет. Она читает ему о воскрешении Лазаря. Что ж, пока неплохо. Но затем следует фраза, не имеющая себе равных по глупости во всей мировой литературе: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги». «Убийца и блудница» и «вечная книга» – какой треугольник! Это ключевая фраза романа и типично достоевский риторический выверт. Отчего она так режет слух? Отчего она так груба и безвкусна?

Я полагаю, что ни великий художник, ни великий моралист, ни истинный христианин, ни настоящий философ, ни поэт, ни социолог не свели бы воедино, соединив в одном порыве фальшивого красноречия, убийцу – с кем же? – с несчастной проституткой, склонив их столь разные головы над священной книгой. Христианский Бог, как его понимают те, кто верует в христианского Бога, простил блудницу девятнадцать столетий назад. Убийцу же следовало бы прежде всего показать врачу. Их невозможно сравнивать. Жестокое и бессмысленное преступление Раскольникова и

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru отдаленно не походит на участь девушки, которая, торгуя своим телом, теряет честь. Убийца и блудница за чтением Священного Писания – что за вздор! Здесь нет никакой художественно оправданной связи. Есть лишь случайная связь, как в романах ужасов и сентиментальных романах. Это низкопробный литературный трюк, а не шедевр высокой патетики и набожности. Более того, посмотрите на отсутствие художественной соразмерности. Преступление Раскольникова описано во всех гнусных подробностях, и автор приводит с десятков различных его объяснений. Что же касается Сони, мы ни разу не видим, как она занимается своим ремеслом. Перед нами типичный штамп. Мы должны поверить автору на слово. Но настоящий художник не допустит, чтобы ему верили на слово.

* * *

Почему Раскольников убивает? Причина чрезвычайно запутанна.

Если верить тому, что довольно оптимистично хочет доказать Достоевский, Раскольников был прекрасным молодым человеком, преданным, с одной стороны, семье, с другой – высоким идеалам, способным к самопожертвованию, добрым, великодушным, усердным, однако слишком мнительным и гордым – настолько, что готов был полностью замкнуться в себе, не нуждаясь в каких-либо сердечных отношениях. Этот очень добрый, великодушный и гордый молодой человек отчаянно беден.

Почему Раскольников убивает старуху-процентщицу и ее сестру? Очевидно, чтобы избавить свою семью от бедности, спасти сестру, которая собирается выйти замуж за богатого негодяя, желая помочь ему закончить университет.

Но он совершает это убийство еще и для того, чтобы доказать себе, что он не обыкновенный человек, подчиняющийся неизвестно кем выдуманным нравственным законам, а личность, способная создать свой собственный закон, выдержать всю тяжесть моральной ответственности, муки совести и во имя благой цели (помощь семье, собственное образование, которое позволит ему облагодетельствовать человечество) избирающая злодейские средства (убийство) без ущерба для душевного равновесия и достойной жизни.

Он убивает еще и потому, что, согласно излюбленной идее Достоевского, распространение материалистических идей нравственно опустошает человека и может сделать убийцей даже положительного юношу, так что он легко пойдет на преступление при неудачном стечении обстоятельств. Обратите внимание на фашистские идеи, которые развивает Раскольников в своей «статье»: человечество состоит из двух частей, толпы и сверхчеловека, большинство должно повиноваться установленным нравственным законам, но одиночкам, вставшим над толпой, должна быть дана свобода устанавливать свои законы. Сначала Раскольников заявляет, что Ньютоном и другим великим ученым следовало бы принести в жертву сотни человеческих жизней, окажись эти человеческие жизни помехой на пути к их открытиям. Позже он почему-то забывает об этих благодетелях рода человеческого, сосредоточив свое внимание на совершенно ином идеале. Все его тщеславные устремления сосредоточены на Наполеоне, в котором он видит сильную личность, правящую толпой, посмеявшуюся «подобрать» власть, только и ждущую того, кто «посмеет». Так незаметно происходит скачок от честолюбивого благодетеля человечества к честолюбивому тирану-властолюбцу. Перемена, достойная более тщательного психологического анализа, чем мог предпринять вечно торопившийся Достоевский.

Еще одна излюбленная идея нашего автора заключается в том, что преступление доводит преступника до душевного ада, неизбежного удела всех злодеев. Одинокие внутренние страдания, однако, к искуплению не ведут. Искупление приходит лишь через страдание на людях, вынесенное на суд общества, через намеренное самоуничтожение и позор на глазах у близких, только они могут принести страдальцу прощение, искупление, новую жизнь и тому подобное. Таков путь, который должен пройти Раскольников, но вернется ли он к преступлениям – неизвестно. Вспомните его идею о свободной воле, о преступлении, совершаемом во имя самого преступления, о праве самому создавать для себя нравственные законы.

Удалось ли Достоевскому внушить ко всему этому доверие? Сомневаюсь.

Прежде всего, Раскольников – неврастеник, а искаженное восприятие любой философской идеи не может ее дискредитировать. Достоевский скорее бы преуспел, сделав Раскольникова крепким, уравновешенным, серьезным юношей, сбитым с толку

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru слишком буквально понятыми материалистическими идеями. Но Достоевский прекрасно понимал, что из этого ничего не получится, что если бы даже подобный уравновешенный молодой человек проникся нелепыми идеями, перед которыми не устояла слабая психика Раскольникова, здоровая человеческая природа удержала бы его от умышленного убийства. Ибо отнюдь не случайность, что все преступники у Достоевского (Смердяков в «Братьях Карамазовых», Федька в «Бесах», Рогожин в «Идиоте») не в своем уме. [1]

Чувствуя слабость своей позиции, Достоевский притягивает всевозможные мотивы, чтобы подтолкнуть Раскольникова к пропасти преступных искушений, которая, как мы обязаны верить, разверзлась перед ним стараниями немецкой философии. Унизительная бедность, не только его собственная, но и горячо любимой сестры и матери, готовность сестры к самопожертвованию, низость и убожество намеченной жертвы – такое обилие попутных причин показывает, что Достоевский и сам чувствовал шаткость своих позиций. Кропоткин очень точно заметил: «За изображением Раскольникова я чувствую самого Достоевского, который пытается разрешить вопрос: мог ли бы он сам или человек вроде него быть доведен до совершения преступления, как Раскольников, и какие сдерживающие мотивы могли бы помешать ему, Достоевскому, стать убийцей. Но дело в том, что такие люди не убивают».

Я полностью подписываюсь и под утверждением Кропоткина, что «...люди вроде судебного следователя или Свидригайлова принадлежат к области романтического изобретения». Я пошел бы дальше и добавил к ним Сонечку Мармеладову. Соня ведет свое происхождение от тех романтических героинь, которым не по своей вине пришлось жить вне установленных обществом рамок и на которых общество взвалило все бремя позора и страданий, связанных с их образом жизни. Эти героини никогда не переводились в мировой литературе с тех пор, как в 1731 г. добрый аббат Прево вывел их в образе Манон Леско гораздо более изысканном и потому более трогательном. У Достоевского тема падения, унижения не покидает нас с самого начала, и в этом смысле сестра Раскольникова Дуня, и пьяная девочка, мелькнувшая на бульваре, и добродетельная проститутка Соня – все они сестры из единой достоевской семьи заламывающих руки героинь.

Страстная убежденность Достоевского в том, что физическое страдание и смирение исправляют человеческую природу, коренится в его личной трагедии: должно быть, он чувствовал, что живший в нем свободолюбец, бунтарь, индивидуалист изрядно стусебался за годы, проведенные в Сибири, утратил природную непосредственность, но упорно считал, что вернулся оттуда «исправленным».

«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» (1864)

Эту повесть можно было бы счесть описанием клинического случая с явными и разнообразными симптомами мании преследования. Мой интерес к ней ограничен исследованием стиля. Здесь ярчайшим образом представлены темы Достоевского, его стереотипы и интонации. Это квинтэссенция достоевщины. Кстати, она очень удачно переведена на английский язык Герни.

Первая часть состоит из 11 небольших глав, или разделов. Вторая часть вдвое длиннее первой и состоит из 10 более длинных глав, содержащих разные происшествия и диалоги. Первая часть представляет собой монолог, но монолог, предполагающий присутствие воображаемых слушателей. На протяжении всей этой части человек из подполья, рассказчик, обращается к публике, по-видимому, доморощенным философам, читателям газет и, как он их называет, «нормальным людям». Предполагается, что эти воображаемые господа глумятся над ним, а он успешно парирует их насмешки и издевательства с помощью ловких уверток, контратак и прочих ухищрений, измышленных его якобы замечательным умом. Эта воображаемая аудитория подстегивает его истерическое дознание, дознание о состоянии его собственной истерзанной души. Заметьте, что в рассказе даются ссылки на животрепещущие события 1860-х гг. Но связь с ними смутная и для развития фабулы значения не имеет. Посмотрите, как поступает в этом случае Толстой: сообщая читателям в начале «Анны Карениной», какие новости выуживает Стива Облонский из утренних газет, он характеризует героя и одновременно с прелестной исторической или псевдоисторической точностью указывает на определенное время и пространство. У Достоевского вместо характерных черт времени выступают общие рассуждения.

Начинает рассказчик с того, что называет себя грубым, желчным, злым чиновником, издевающимся над просителями, приходящими в непонятную контору, где он служит.

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Сделав это заявление: «Я был злой чиновник», он тотчас же отрекается от него и говорит еще более странно: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым». Он утешает себя мыслью, что умный человек «и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак». Ему сорок лет, он живет в дрянной комнате, имеет ничтожный чин и, получив небольшое наследство, вышел в отставку, а ныне желает поговорить о себе.

Здесь я должен предупредить вас, что первая часть, 11 коротких глав, интересна не содержанием, но стилем изложения. В стиле отражается человек. Это отражение Достоевский хочет передать в мутном потоке признаний, в ухватках и ужимках неврастеника, отчаявшегося, озлобленного и до ужаса несчастного.

Затем вступает тема человеческого самосознания (не сознания, но самосознания), осознания собственных чувств. Чем больше этот подпольный человек понимает, что такое доброта, красота – нравственная красота, тем больше он грешит, тем ниже опускается. Как это часто бывает с такого рода авторами, имеющими сообщить всему миру, всем грешникам некую сверхидею, Достоевский не уточняет, в чем заключается порочность его героя. Нам остается лишь гадать.

По словам героя, после каждого отвратительного поступка он уползает обратно в свою нору и продолжает предаваться ненавистной сладости порока, угрызениям совести, находя удовольствие в собственном ничтожестве, смакуя свое падение. Упоение собственным падением – одна из любимых тем Достоевского. Здесь, как и во всех его сочинениях, писательское искусство не достигает цели, поскольку автор не уточняет, что за грех он имеет в виду, а искусство должно всегда все уточнять. Проступок, грех принимается на веру. Грех здесь – литературная условность, вроде тех, что используют авторы сентиментальных и готических романов, которых начитался Достоевский. В данном повествовании сама отвлеченность темы, отвлеченное понятие гнусного поступка и последовавшего за ним падения представлены не без причудливой силы, в манере, изображающей характер человека из подполья. (Повторяю: важен сам стиль изложения.) К концу 2-й главы мы узнаем, что человек из подполья начал писать мемуары, чтобы поведать миру о радостях падения.

Себя он считает чрезвычайно сознательным. Его оскорбляет средненормальный человек, тупой, но нормальный. Его слушатели издеваются над ним. Господа хихикают. Неудовлетворенные желания, страстная жажда отомстить, сомнения, полуотчаяние, полувера – все это сплетается в один клубок, порождая ощущение странного блаженства в униженном существе. Но бунт этого человека основан не на творческом порыве, он просто неудачник, моральный урод, в законах природы он видит каменную стену, которую не может пробить. Но тут мы вновь запутываемся в обобщениях, в аллегориях, так как никакой специальной цели у него нет и никакой каменной стены не существует. Нигилист Базаров («Отцы и дети») знал, чего он хочет: разрушить старый порядок, который среди всего прочего освящал рабство. Человек из подполья просто-напросто перечисляет свои претензии к презираемому им миру, который он сам выдумал, бутафорскому миру из картона, а отнюдь не из камня.

В 4-й главе содержится признание: его наслаждение – это наслаждение человека, страдающего зубной болью и понимающего, что своими стонами, возможно притворными, он не дает уснуть всей семье. Весьма изощренное наслаждение. Но главное, герой сам признается в притворстве.

А в 5-й главе мы обнаруживаем, что человек из подполья заполняет свою жизнь искусственными переживаниями, ибо настоящих у него нет. Более того, у него нет основы, нет исходной точки, оттолкнувшись от которой он мог бы принять жизнь. Он ищет определения для себя, ищет, какой бы ярлык приклеить к себе, например «лентяй» или «тонкий знаток в лафите», ищет любой крючок, любую зацепку. Но зачем он тщится подыскать ярлык для себя, этого Достоевский не открывает. Человек, которого он рисует, попросту маньяк, какой-то клубок претенциозности. Посредственные подражатели Достоевского, как французский журналист Сартр, продолжают пописывать в том же духе и по сей день.

В начале 7-й главы есть хороший образчик стиля Достоевского (блестяще переведенный Герни по подстрочнику, сделанному Гарнетт).

«Но всё это золотые мечты. О, скажите, кто это первый объявил, кто первый

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов; а что если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против собственных своих выгод, следственно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро? О младенец! о чистое, невинное дитя! да когда же, во-первых, бывало, во все эти тысячелетия, чтоб человек действовал только из одной своей собственной выгоды? Что же делать с миллионами фактов, свидетельствующих о том, как люди зазнамо, то есть вполне понимая свои настоящие выгоды, отставляли их на второй план и бросались на другую дорогу, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые к тому, а как будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелепую, отыскивая ее чуть не в потемках. Ведь, значит, им действительно это упрямство и своеволие было приятнее всякой выгоды...»

Назойливое повторение слов и фраз, интонация одержимого навязчивой идеей, стопроцентная банальность каждого слова, дешевое красноречие отличают стиль Достоевского.

В той же 7-й главе человек из подполья (или его создатель) обрушивается на новый круг идей, связанных с понятием «выгода». «А что если так случится, – говорит он, – что человеческая выгода.. и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного?» Все это бесконечно расплывчато. Радость падения и унижения толком не объясняются, точно так же, как и выгода невыгодного положения. Но целый ряд новых душевных изломов слышится в мучительных признаниях, заполнивших последующие страницы.

Так в чем же все-таки заключается сия таинственная «выгода»? Публицистическое отступление, выдержанное в лучших традициях его стиля, вначале обличает цивилизацию, от которой «человек стал если не более кровожаден, то уже, наверно, хуже, гаже кровожаден, чем прежде». Мысль старая, принадлежащая еще Руссо. Человек из подполья рисует картину всеобщего изобилия в будущем, хрустальный дворец-общество, и, наконец, появляется та самая пресловутая выгода: свободный, ничем не скованный выбор, какая-нибудь причуда, сколь угодно дикая. Мир чудесным образом переустроен, но вот появляется человек, естественный человек, который говорит: пусть это всего лишь мой каприз, но я хочу разрушить этот прекрасный мир, – и разрушает его. Иными словами, человек хочет не какой-нибудь рациональной выгоды, а всего лишь права на независимый выбор – неважно, каким он будет, пусть даже наперекор логике, статистике, гармонии и порядку. Философски все это чистейший вздор, так как гармония, счастье тоже предполагают и включают в себя наличие причуды, каприза.

Но герои Достоевского выбирают что-нибудь безумное, идиотское или пагубное – разрушение и смерть, лишь бы это был их собственный выбор. Это, между прочим, один из мотивов преступления Раскольникова.

В 9-й главе человек из подполья продолжает оправдываться. Вновь возникает тема разрушения. Может быть, говорит он, человек любит разрушение и хаос больше созидания? Может быть, вся-то цель, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса движения, а не в ее достижении? Ведь может быть, человек любит не одно благоденствие. «Страдание – да ведь это единственная причина сознания». Может быть, мы впервые осознаем себя людьми, лишь почувствовав боль.

Хрустальный дворец-идеал, или газетный штамп совершенной вселенской жизни, в будущем вновь возникает перед нами и становится предметом обсуждения. Рассказчик доводит себя до полного исступления, и публика, состоящая из насмешников и глумливых журналистов, не дает ему спуска. И тут мы возвращаемся к исходному пункту: лучше быть ничем, лучше жить в своем подполье, в крысиной норе. В последней главе первой части он как бы подводит итог, предположив, что публика, которую он пытается расшевелить, призрачные господа, к которым он обращается, – попытка найти читателей. Именно этой воображаемой публике пытается он изложить череду своих бессвязных воспоминаний, которые, возможно, проиллюстрируют и объяснят его психологию. Идет мокрый снег. Он видится ему желтым, что скорее всего символ, а не оптический обман. Мне думается, он имеет в виду просто грязный снег, тусклый, как он любит повторять. Важно отметить одну деталь: от писания он надеется получить облегчение. На этом обрывается первая часть,

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
которая, как я уже говорил, важна своим стилем, а не предметом изложения.

Почему вторая часть называется «По поводу мокрого снега», можно понять лишь в свете журнальной полемики 1860 г., которую вели писатели, любившие символы, аллюзии и все в таком роде. Быть может, это – символ чистоты, ставшей сырой и тусклой. Эпиграф, содержащий тонкий намек, взят из лирического стихотворения современника Достоевского – Некрасова.

События, которые собирается описать наш человек из подполья во второй части, относятся к 1840-м гг. В то время он был так же мрачен, как и теперь, и ненавидел своих сослуживцев так же, как ненавидит их ныне. Он питал ненависть даже к самому себе. Он вспоминает о самоуничужении. Независимо от того, презирал он человека или нет, он опускал перед ним глаза. «Я даже опыты делал: стерплю ли я взгляд вот хоть такого-то на себе, и всегда опускал я первый». Это доводило его до бешенства. Он признается в трусости, но утверждает, что любой порядочный человек в наше время должен быть трусом. В какое время? В 1840-е или в 1860-е гг.? Исторически, политически, социально – это две непохожие эпохи. 1844 г. – период реакции, разгула деспотизма. 1864-й, когда писались эти записки, – время перемен, просвещения, великих реформ. Но мир Достоевского, несмотря на приметы времени, – серый мир душевнобольных, где ничего не меняется, кроме, быть может, покроя военного мундира – конкретная деталь, неожиданно промелькнувшая в тексте.

Несколько страниц посвящены тем, кого наш человек из подполья называет романтиками. Современный читатель не может понять подтекста, не вникнув в газетную полемику 50-х и 60-х гг. прошлого века. Достоевский и человек из подполья явно имеют в виду «лжеидеалистов», то есть людей, у которых жажда добра и красоты прекрасно уживается с карьеризмом и стремлением к материальным благам. (Славянофилы обвиняли западников в поклонении идолам, а не идеалам.) Все это изложено достаточно путанно и туманно, и нам ни к чему погружаться в этот туман. Мы узнаем, что человек из подполья украдкой, в одиночку ночью предается «разврату», для чего «ходит по всяким темным местам». (Как не вспомнить Сен-Пре, господина из романа Руссо «Юлия», который точно так же заперся в дальней комнате в доме греха, где он предавался возлияниям белого вина, считая его водой, а затем оказывался в объятиях *une creature*, [2] как он выражался. Так описывали грех в сентиментальных романах.)

Тема «кто кого переглядит» получает новый поворот, сменяясь темой «кто кого отпихнет». Нашего подпольного жителя – это плюгавое, тщедушное существо – отталкивает прохожий, военный высокого роста. Человек из подполья то и дело встречает его на Невском проспекте (так называется главная улица в Петербурге) и всякий раз клянется себе, что не свернет с дороги, и всякий раз сворачивает, давая гиганту-офицеру гордо прошептывать мимо. Но однажды человек из подполья наряжается как на дуэль или на похороны и с трепетом сердечным твердо решает не уступать ему дороги. Тогда офицер отшвыривает его, как резиновый мячик. Он делает еще одну попытку преградить ему путь, и ему удается сохранить равновесие – они резко сталкиваются плечом к плечу и проходят друг мимо друга «совершенно на равной ноге». Человек из подполья в восторге. Он достиг своего единственного триумфа!

2-я глава открывается рассказом о его сатирических грезах, и лишь потом начинается действие. Вместе с первой частью пролог занимает 40 страниц текста (в переводе Герни). Наш герой навещает старого школьного приятеля Симонова. Симонов и два его друга собираются устроить прощальный обед в честь их четвертого друга Зверкова, еще одного военного в этой повести. «Мосье Зверков был все время и моим школьным товарищем, – говорит человек из подполья. – Я особенно стал его ненавидеть с высших классов. В низших классах он был только хорошенький, резвый мальчик, которого все любили. (...) Учился он всегда постоянно плохо и чем дальше, тем хуже; однако ж вышел из школы удачно, потому что имел покровительство. В последний год его в нашей школе ему досталось наследство, двести душ, а так как у нас все почти были бедные, то он даже перед нами стал фанфаронить. Это был пошляк в высшей степени, но, однако ж, добрый малый, даже и тогда, когда фанфаронил. У нас же, несмотря на наружные, фантастические и фразерские формы чести и гонора, все, кроме очень немногих, даже увивались перед Зверковым, чем более он фанфаронил. И не из выгоды какой-нибудь увивались, а так, из-за того, что он фаворизированный дарами природы человек. Притом же как-то принято было у нас считать Зверкова специалистом по части ловкости и хороших манер. Последнее меня особенно бесило. Я ненавидел резкий, не сомневающийся в себе звук его голоса, обожание собственных своих острот, которые у него выходили ужасно глупы,

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru хотя он был и смел на язык; я ненавидел его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы, впрочем, променял с охотой свое умное) и развязно-офицерские приемы сороковых годов».

Другой школьный приятель с комедийным именем Ферфичкин – вульгарный, чванливый субъект немецкого происхождения. (Нужно сказать, что Достоевский испытывал совершенно патологическую ненависть к немцам, полякам и евреям, что видно из его сочинений.) Третий бывший одноклассник, еще один офицерский чин, – Трудолюбов. И здесь, и в других произведениях Достоевский вслед за традицией 18 в. дает своим героям говорящие фамилии. Наш человек из подполья, любивший, как мы знаем, нарываться на оскорбления, упрасивает, чтобы его пригласили на обед.

" – Так, трое, с Зверковым четверо, двадцать один рубль в Hotel de Paris завтра в пять часов, – окончательно заключил Симонов, которого выбрали распорядителем.

– Как же двадцать один? – сказал я в некотором волнении, даже, по-видимому, обидевшись, – если считать со мной, так будет не двадцать один, а двадцать восемь рублей.

Мне показалось, что вдруг и так неожиданно предложить себя будет даже очень красиво, и они все будут разом побеждены и посмотрят на меня с уважением.

– Разве вы тоже хотите? – с неудовольствием заметил Симонов, как-то избегая глядеть на меня. Он знал меня наизусть.

Меня взбесило, что он знает меня наизусть.

– Почему же-с? Я ведь, кажется, тоже товарищ, и, признаюсь, мне даже обидно, что меня обошли, – заклокотал было я опять.

– А где вас было искать? – грубо ввязался Ферфичкин.

– Вы всегда были не в ладах с Зверковым, – прибавил Трудолюбов нахмурившись. Но я уж ухватился и не выпускал.

– Мне кажется, об этом никто не вправе судить, – возразил я с дрожью в голосе, точно и БОГ знает что случилось. – Именно потому-то я, может быть, теперь и хочу, что прежде был не в ладах.

– Ну, кто вас поймет... возвышенности-то эти... – усмехнулся Трудолюбов.

– Вас запишут, – решил, обращаясь ко мне, Симонов, – завтра в пять часов, в Hotel de Paris...»

В ту ночь человеку из подполья снились безобразные сны о его школьных годах; впрочем, сегодня такого рода сны – общее место любого психоанализа. На следующее утро он тщательно начистил ботинки, предварительно отмытые слугой Аполлоном. Мокрый снег валил хлопьями. Снова символ. Приехав в ресторан, он узнает, что его приятели перенесли обед с пяти на шесть часов, и никто не позаботился известить его. С этого начинается история его унижений. Приезжают три школьных товарища вместе со Зверковым. И далее следует одна из лучших сцен Достоевского. Он обладал замечательным чувством смешного, вернее, трагикомического, его можно назвать исключительно талантливым юмористом, но юмор у него все время на грани истерики, и люди больно ранят друг друга в бурном обмене оскорблениями. Типично Достоевский скандал начинается следующим образом:

" – Ска-а-ажите, вы... в департаменте? – продолжал заниматься мною Зверков. Видя, что я сконфужен, он серьезно вообразил, что меня надо обласкать и, так сказать, ободрить. «Что ж он, хочет, что ли, чтоб я в него бутылкой пустил», – подумал я в бешенстве. Раздражался я, с непривычки, как-то неестественно скоро.

– В...й канцелярии, – ответил я отрывисто, глядя в тарелку.

– И... ввам ввыгодно? Ска-ажите, что вас паанудило оставить прежнюю службу?

– То и па-а-анудило, что захотелось оставить прежнюю службу, – протянул я втрое больше, уже почти не владея собою. Ферфичкин фыркнул. Симонов иронически посмотрел на меня; Трудолюбов остановился есть и стал меня рассматривать с

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
любопытством.

Зверкова покорило, но он не хотел заметить.

– Ну-у-у, а как ваше содержание?

– Какое это содержание?

– То есть жалованье?

– Да что вы меня экзаменуете!

Впрочем, я тут же и назвал, сколько получаю жалованья.

Я ужасно краснел.

– Небогато, – важно заметил Зверков.

– Да-с, нельзя в кафе-ресторанах обедать! – нагло прибавил Ферфичкин.

– По-моему, так даже просто бедно, – серьезно заметил Трудолюбов.

– И как вы похудели, как переменились... с тех пор... – прибавил Зверков, уже не без яду, с каким-то нахальным сожалением, рассматривая меня и мой костюм.

– Да полно конфузить-то, – хихикая, вскрикнул Ферфичкин.

– Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь, – прорвался я, наконец, – слышите-с! Я обедаю здесь, «в кафе-ресторане», на свои деньги, на свои, а не на чужие, заметьте это, monsieur Ферфичкин.

– Ка-ак! кто ж это здесь не на свои обедает? Вы как будто... – вцепился Ферфичкин, покраснев, как рак, и с остервенением смотря мне в глаза.

– Та-ак, – отвечал я, чувствуя, что далеко зашел, – и полагаю, что лучше бы нам заняться разговором поумней.

– Вы, кажется, намереваетесь ваш ум показывать?

– Не беспокойтесь, это было бы совершенно здесь лишнее.

– Да вы это что, сударь вы мой, раскудахтались – а? вы не с ума ли уж спятили, в вашем департаменте?

– Довольно, господа, довольно! – закричал всевластно Зверков.

– Как это глупо! – проворчал Симонов.

– Действительно глупо, мы собрались в дружеской компании, чтоб проводить в вояж доброго приятеля, а вы считаетесь, – заговорил Трудолюбов, грубо обращаясь ко мне одному. – Вы к нам сами вчера напросились, не расстраивайте же общей гармонии... (...)

Все меня бросили, и я сидел раздавленный и уничтоженный.

«Господи, мое ли это общество! – думал я. – И каким дураком я выставил себя сам перед ними... Да чего тут! Сейчас же, сию минуту встать из-за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Из презренья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы. Ведь не семи же рублей мне жалеть. Пожалуй, подумают... Черт возьми! Не жаль мне семи рублей! Сию минуту ухожу!..»

Разумеется, я остался.

Я пил с горя лафит и херес стаканами. С непривычки быстро хмелел, а с хмелем росла и досада. Мне вдруг захотелось оскорбить их всех самым дерзким образом и потом уж уйти.

Улучить минуту и показать себя – пусть же скажут: хоть и смешон, да умен... и... и...

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
одним словом, черт с ними!

... – Господин поручик Зверков, – начал я, – знайте, что я ненавижу фразу, фразеров и тальи с перехватами... Это первый пункт, а за сим последует второй.

Все сильно пошевелились.

– Второй пункт: ненавижу клубничку и клубничников. И особенно клубничников!

– Третий пункт: люблю правду, искренность и честность, – продолжал я почти машинально, потому что сам начинал уж леденеть от ужаса, не понимая, как это я так говорю... – Я люблю мысль, мсье Зверков; я люблю настоящее товарищество, на равной ноге, а не... гм... Я люблю... А впрочем, отчего ж? И я выпью за ваше здоровье, мсье Зверков. Прельщайте черкешенок, стреляйте врагов отечества и... и... За ваше здоровье, мсье Зверков!

Зверков встал со стула, поклонился мне и сказал:

– Очень вам благодарен.

Он был ужасно обижен и даже побледнел.

– Черт возьми, – заревел Трудолюбов, ударив по столу кулаком.

– Нет-с, за это по роже бьют! – взвизгнул Ферфичкин.

– Выгнать его надо! – проворчал Симонов.

– Ни слова, господа, ни жеста! – торжественно крикнул Зверков, останавливая общее негодование. – Благодарю вас всех, но я сам сумею доказать ему, насколько ценю его слова.

– Господин Ферфичкин, завтра же вы мне дадите удовлетворенье за ваши сейчасные слова! – громко сказал я, важно обращаясь к Ферфичкину.

– То есть дуэль-с? Извольте, – отвечал тот, но, верно, я был так смешон, вызывая, и так это не шло к моей фигуре, что все, а за всеми и Ферфичкин, так и легли со смеху.

– Да, конечно, бросить его! Ведь совсем уж пьян! – с омерзением проговорил Трудолюбов.

...я был до того измучен, до того изломан, что хоть зарезаться, а покончить! У меня была лихорадка; смоченные потом волосы присохли ко лбу и вискам.

– Зверков! я прошу у вас прощенья, – сказал я резко и решительно, – Ферфичкин, и у вас тоже, у всех, у всех, я обидел всех!

– Ага! дуэль-то не свой брат! – ядовито прошипел Ферфичкин.

– Нет, я не дуэли боюсь, Ферфичкин! Я готов с вами же завтра драться, уже после примирения. Я даже настаиваю на этом, и вы не можете мне отказать. Я хочу доказать вам, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрелять первый, а я выстрелю на воздух.

...Все они были красные; глаза у всех блистали: много пили.

– Я прошу вашей дружбы, Зверков, я вас обидел, но...

– Обидели? В-вы! Ми-ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и ни при каких обстоятельствах не можете меня обидеть!

– И довольно с вас, прочь! – скрепил Трудолюбов. (...)

Я стоял оплеванный. Ватага шумно выходила из комнаты, Трудолюбов затащил какую-то глупую песню. (...) Беспорядок, объедки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирос, хмель и бред в голове, мучительная тоска в сердце и, наконец, лакей, все видевший и все слышавший и любопытно заглядывавший мне в

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
глаза.

– Туда! – вскрикнул я. – Или они все на коленях, обнимая ноги мои, будут вымаливать моей дружбы, или... или я дам Зверкову пощечину!»

После отличнейшей 4-й главы взвинченность, уязвленное самолюбие человека из подполья начинают приедаться, а Лиза, молодая женщина из Риги, вносит привкус фальши. Перед нами все та же героиня сентиментального романа, благородная проститутка с возвышенным сердцем, еще один литературный манекен. Чтобы отвести душу, наш человек из подполья начинает говорить колкости и стращать родную душу, бедную Лизу – сестру Сони Мармеладовой. Многословные и очень плоские разговоры между ними стоит дочитать до конца. Быть может, кому-то они придутся по вкусу. Под конец главный герой изрекает следующую истину: унижения и оскорбления очистят и возвысят Лизу над ненавистью. Возвышенные страдания, возможно, лучше, чем дешевое счастье. Вот и все.

«ИДИОТ» (1868)

В «Идиоте» действует положительный герой Достоевского. Это – князь Мышкин, наделенный добротой и всепрощением, какими обладал один лишь Христос. Мышкин сверхъестественно чувствителен: он чувствует все, что происходит с другими людьми, даже если их разделяют огромные расстояния. Такова его духовная мудрость, понимание и сострадание к чужим горестям. Князь Мышкин – сама чистота, искренность, откровенность, что неизбежно приводит его к столкновениям с внешним миром, насквозь условным и искусственным. Его любят все, кого он встречает на своем пути, даже Рогожин, его гипотетический убийца. Страстно влюбленный в главную героиню, Настасью Филипповну, и ревнующий ее к князю, он в конце романа впускает его в свой дом, где только что зарезал свою возлюбленную, и благодаря мышкинской духовной чистоте примиряется с жизнью и обретает успокоение от страстей, бушующих в его душе.

Однако князь Мышкин тоже психически неполноценен. В детстве он отставал в развитии, не умел говорить до 6 лет, был подвержен эпилептическим припадкам. Постоянную угрозу полного слабоумия мог предотвратить лишь здоровый и спокойный образ жизни. (После всех событий, описанных в книге, психическая болезнь все же одолевает его.)

Не способный жениться, о чем автор говорит без обиняков, князь Мышкин тем не менее разрывается между двумя женщинами. Одна из них – Аглая, непорочно чистая, красивая, искренняя девушка. Она не хочет мириться с окружающим миром, вернее – со своей участью дочери богатого и знатного человека, которой уготовано выйти замуж за молодого аристократа и прожить с ним счастливую жизнь. Аглая сама не знает, чего именно она хочет, но она непохожа на своих сестер и свою семью, она «сумасшедшая» в хорошем смысле, по Достоевскому (он явно предпочитает сумасшедших людям нормальным). Иными словами, это личность «ищущая», одухотворенная. Князь Мышкин и до некоторой степени ее мать – единственные люди, которые понимают ее, но если простодушная мать лишь обеспокоена ее непохожестью, то Мышкин чувствует ее мятущуюся душу. Он жаждет спасти ее, открыв перед ней правильный путь, и соглашается жениться на ней.

Тут все осложняется: в романе действует демоническая, гордая, порочная, соблазнительная, таинственная, восхитительная и, несмотря на свое падение, неподкупно чистая Настасья Филипповна, одна из тех невозможных, выдуманных, раздражающих героинь, которыми пестрят произведения Достоевского. Все чувства этой непостижимой женщины выражаются в превосходной степени: и доброта, и греховность ее беспредельны. Она обманута старым развратником, который, сделав ее своей любовницей и прожив с нею несколько лет, теперь женится на порядочной женщине. Чтобы избавиться от нее, он без лишних колебаний решает выдать Настасью Филипповну замуж за своего секретаря.

Все, кто окружает Настасью Филипповну, знают, что в душе это порядочная женщина, в ее двусмысленном положении повинен любовник. Это не мешает жениху, к стати говоря, страстно в нее влюбленному, считать ее падшей женщиной, а семья Аглаи просто в шоке от того, что Аглая завязала тайные отношения с Настасьей Филипповной. Да и Настасью Филипповну это не спасает от презрения к самой себе за свое «падение», и она решается стать настоящей «содержанкой». Один князь Мышкин, как Христос, ни в чем не винит ее, полный глубокого восхищения и уважения. (Вновь звучит скрытая параллель истории Христа и Марии Магдалины.) Здесь уместно было бы процитировать еще одно точнейшее замечание Мирского: «Его

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru христианство... очень сомнительного свойства... Это более или менее поверхностное учение, которое опасно отождествлять с истинным христианством». Если к этому добавить, что он постоянно навязывает читателю свое толкование православия и, распутывая любой психологический или психопатический клубок, неизбежно приводит нас к Христу, вернее, к его собственному пониманию Христа и православия, мы лучше будем представлять, что нас раздражает в Достоевском-философе.

Но вернемся к роману. Князь Мышкин сразу же понимает, что из двух влюбленных в него женщин Настасья Филипповна больше нуждается в нем, так как она более несчастна. Поэтому он деликатно оставляет Аглаю, чтобы спасти Настасью Филипповну. Тут Настасья Филипповна и он стараются перещеголять друг друга в душевной широте, она отчаянно стремится освободить его, чтобы он обрел счастье с Аглаей, он же не отпускает ее, боясь, как бы она не «погибла» (любимое выражение Достоевского). Но когда Аглая устраивает скандал с целью оскорбить Настасью Филипповну в ее собственном доме, Настасья Филипповна не видит дальнейших причин жертвовать собой ради соперницы и решает увезти князя Мышкина в Москву. В последнюю секунду истеричная женщина вновь меняет решение, не желая, чтобы он «погиб» по ее вине, и убегает прямо из-под венца с Рогожиным, молодым купцом, который проматывает с нею только что полученное состояние. Князь Мышкин едет вслед за ними в Москву. Следующий период их жизни искусно скрыт под дымкой таинственности. Достоевский не открывает читателю, что именно происходило в Москве, лишь время от времени роняя многозначительные и таинственные намеки. И Рогожин, и князь Мышкин охвачены патетическими страданиями из-за Настасьи Филипповны, которая ведет себя все более безрассудно. Они даже становятся братьями во Христе, обменявшись нательными крестами. Тем самым автор дает нам понять, что Рогожин хочет уберечься от соблазна убийства из ревности.

В конце концов Рогожин – самый нормальный из троих – не выдерживает и убивает Настасью Филипповну. Достоевский обставляет его преступление смягчающими обстоятельствами: у Рогожина сильная лихорадка. После убийства он сразу же попадает в больницу, а затем его ссылают в Сибирь – своеобразный запасник, где хранятся списанные автором восковые фигуры. Князь Мышкин проводит ночь с глазу на глаз с Рогожиным возле тела убитой, с ним случается очередной приступ душевной болезни, видимо, последний, и он возвращается в лечебницу в Швейцарии, где провел юность и откуда ему не следовало уезжать. Вся эта безумная мешанина обильно сдобрена диалогами, призванными передать мнения разнообразных слоев общества о смертной казни или великой миссии русского народа. Герои никогда ничего не производят, предварительно не побледнев, не зардевшись или не переступив с ноги на ногу. Религиозные мотивы тошнотворны своей безвкусицей. Автор дает определения, не заботясь о доказательствах: например, Настасья Филипповна, как мы знаем, – образец сдержанности, хорошего тона и безупречных манер, но иногда она ведет себя, как разъяренная кокотка.

Однако сам сюжет построен искусно, интрига разворачивается с помощью многочисленных искусных приемов. Правда, иные из них, если сравнить с Толстым, больше смахивают на удары дубинкой вместо легкого касания перстами художника; впрочем, многие критики, возможно, не согласятся со мной.

«БЕСЫ» (1872)

«Бесы» – роман о русских террористах, замышляющих и фактически убивающих одного из своих товарищей. Левая критика объявила его реакционным произведением. Но вместе с тем в романе видели глубокое проникновение в характеры людей, сбитых с толку собственными идеями, которые завели их в трясины, где они и погибли. Обратите внимание на пейзаж:

«Мелкий, тонкий дождь пронизал всю окрестность, поглощая всякий отблеск и всякий оттенок и обращая все в одну дымную, свинцовую безразличную массу. Давно уже был день, а казалось, все еще не рассвело». (Наутро после убийства Лебядкиных.)

«Это было очень мрачное место в конце огромного ставрогинского парка. (...) Как, должно быть, казалось оно угрюмым в тот суровый осенний вечер. Тут начинался старый заказной лес; огромные вековые сосны мрачными и неясными пятнами обозначились во мраке. Мрак был такой, что в двух шагах почти нельзя было рассмотреть друг друга. (...) Неизвестно для чего и когда, в незапамятное время, устроен был тут из диких нетесаных камней какой-то довольно смешной грот. Стол, скамейки внутри грота давно уже сгнили и рассыпались. Шагах в двухстах вправо оканчивался третий пруд парка. Эти три пруда, начинаясь от самого дома, шли, один за другим, слишком на версту, до самого конца парка». (Перед убийством

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Шатова.)

Мне уже приходилось говорить, что метод Достоевского в обращении со своими персонажами – метод драматургии. Представляя того или иного героя, он кратко описывает его внешность и затем почти никогда к ней не возвращается. Так же и в диалогах отсутствуют ремарки, которыми обычно пользуются другие авторы: указания на жест, взгляд или любую другую деталь, характеризующую обстановку. Чувствуется, что он не видит своих героев, что это просто куклы, замечательные, чарующие куклы, барахтающиеся в потоке авторских идей.

Унижение человеческого достоинства – излюбленная тема Достоевского годится скорее для фарса, а не драмы. Не обладая настоящим чувством юмора, Достоевский с трудом удерживается от самой обыкновенной пошлости, притом ужасно многословной. (История отношений между волевой истеричной пожилой дамой и слабым истеричным пожилым господином, занимающая первые сто страниц «Бесов», скучна и неправдоподобна.) В переплетении фарсовой интриги с человеческой трагедией явно слышится иностранный акцент, что-то в ее сюжетных ходах отдает второсортным французским романом. Это не означает, однако, что здесь нет удачных сцен. В «Бесах» нарисован прелестный шарж на Тургенева: модный писатель Кармазинов... «старичок, лет, впрочем, не более пятидесяти пяти, с довольно румяным личиком, с густыми седенькими локончиками, выбившимися из-под круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистеньких, розовеньких, маленьких ушков его... черепаховый лорнет на черной тоненькой ленточке, перстенок непременно были такие же, как и у людей безукоризненно хорошего тона. Говорит медовым, хотя и несколько крикливым голоском. Пишет единственно с целью выставить самого себя, как, например, в описании гибели одного парохода где-то у берегов Англии. Так и читалось между строками: „Интересуйтесь мною, смотрите, каков я был в эти минуты. Чего вы смотрите на эту утопленницу с мертвым ребенком в мертвых руках? Смотрите лучше на меня, как я не вынес этого зрелища и от него отвернулся“. Очень тонкий укол – у Тургенева есть похожее описание пожара на корабле, очевидно, связанное с неблагоприятным эпизодом его юности, который враги с наслаждением поминали всю его жизнь. [3]

Волею автора, который с жаром драматурга выстраивает кульминацию, гостей к Варваре Петровне набилось несметное множество. Здесь все персонажи „Бесов“, в том числе и двое, только что прибывшие из-за границы. Какой невероятный вздор, но вздор грандиозный, достигший своего пика, со вспышками гениальных озарений, освещающих весь этот мрачный и безумный фарс!

Собравшись в одной комнате, эти люди растаптывают и унижают друг друга, устраивая чудовищные скандалы. Скандалы кончаются ничем, так как действие получает неожиданный новый поворот.

Как всегда в романах Достоевского, перед нами торопливое и лихорадочное нагромождение слов с бесконечными повторениями, уходами в сторону, словесный каскад, от которого читатель испытывает потрясение после, к примеру, прозрачной и удивительно гармоничной прозы Лермонтова. Достоевский, как известно, – великий правдоискатель, гениальный исследователь большой человеческой души, но при этом не великий художник в том смысле, в каком Толстой, Пушкин и Чехов – великие художники. И повторяю, не потому, что мир, им созданный, нереален, мир всякого художника нереален, но потому, что он создан слишком поспешно, без всякого чувства меры и гармонии, которым должен подчиняться даже самый иррациональный шедевр (чтобы стать шедевром). Действительно, в каком-то смысле Достоевский слишком рационалистичен в своих топорных методах, и хотя события у него – всего лишь события духовной жизни, а герои – ходячие идеи в обличье людей, их взаимосвязь и развитие этих событий приводятся в действие механическими приемами, характерными для примитивных и второстепенных романов конца 18-го и начала 19 в.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что Достоевский обладал скорее талантом драматурга, нежели романиста. Его романы представляют собой цепочку сцен, диалогов, массовок с участием чуть ли не всех персонажей – со множеством чисто театральных ухищрений, таких, как *scene-a-faire*, [4] неожиданный гость, комедийная развязка и т. д. В качестве романов его книги рассыпаются на куски, в качестве пьес – они слишком длинны, композиционно рыхлы и несоразмерны.

Описывая своих героев, их отношения и положения, в которые они попадают, Достоевский не слишком остроумен, но подчас весьма язвителен.

„Франко-прусская война“ – так называется музыкальная пьеса, сочиненная Лямшиным, одним из героев „Бесов“.

„Начиналась она грозными звуками „Марсельезы“:

Qu'un sang impur abreuve nos sillons.[5]

Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с мастерски варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу в уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки „Mein Lieber Augustin“. „Марсельеза“ не замечает их, „Марсельеза“ на высшей точке упоения своим величием; но „Augustin“ укрепляется, „Augustin“ все нахальнее, и вот такты „Augustin“ как-то неожиданно начинают совпадать с тактами „Марсельезы“. Та начинает как бы сердиться; она замечает, наконец, „Augustin“, она хочет сбросить ее, отогнать, как навязчивую ничтожную муху, но „Augustin“ уцепилась крепко; она весела и самоуверена, она радостна и нахальна; и „Марсельеза“ как-то вдруг ужасно глупеет: она уже не скрывает, что раздражена и обижена; это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками: pas un pouce de notre terrain, pas une de nos forteresses.

Но уже она принуждена петь с „Mein Lieber Augustin“ в один такт. Ее звуки как-то глупейшим образом переходят в „Augustin“, она склоняется, погасает. Изредка лишь, прорывом, послышится опять „qu'un sang impur“, но тотчас же преобидно перескочит в гаденький вальс. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавр, рыдающий на груди Бисмарка и отдающий все, все... Но тут же свирепеет и „Augustin“: слышатся сильные звуки, чувствуется безмерно выпитое пиво, бешенство самохвальства, требования миллиардов, тонких сигар, шампанского и заложников; „Augustin“ переходит в неистовый рев“.

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“ (1880)

„Братья Карамазовы“ – великолепный пример детективного жанра, который Достоевский упорно разрабатывал и в других романах. Роман этот длинный (более 1000 страниц) и любопытный. В нем много примечательного, даже названия глав.

Стоит сказать, что автор не только хорошо понимает всю витиеватость и фантастичность своей книги, но как будто все время подчеркивает ее, поддразнивая читателя, используя каждую мелочь, чтобы подстегнуть его любопытство. Достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на оглавление. Как я уже сказал, названия глав необычны и приводят в замешательство, человек, незнакомый с романом, может быть легко введен в заблуждение, вообразив, что перед ним не роман, а скорее либретто какого-то эксцентричного водевиля. Глава 3: „Исповедь горячего сердца“. Глава 4: „Исповедь горячего сердца“. Глава 5: „Исповедь горячего сердца“. „Вверх ногами“. Затем во втором томе, глава 5: „Надрыв в гостинной“, глава 6: „Надрыв в избе“, глава 7: „И на чистом воздухе“. Некоторые заголовки поражают странными уменьшительными: „За коньячком“. Большая часть названий глав и отдаленно не передает их содержания, как, например: „Еще одна подорванная репутация“. Они бессмысленны. И наконец, некоторые игривые заголовки с их добродушным подтруниванием над читателем воспринимаются как названия юмористических рассказов. Лишь в шестой части, как ни странно, самой слабой части книги, названия глав соответствуют их содержанию.

Так поддразнивая, насмешничая, хитрый автор намеренно завлекает читателя. Однако этот прием не единственный. Он все время выискивает разнообразнейшие средства, чтобы пробудить и поддержать читательский интерес. Посмотрите, как он объясняет название города, где с самого начала романа происходит его действие (он приводит его только в самом конце): „Скотопригоньевск (так, увы, называется наш городок, я долго скрывал его имя)“. Эта постоянная оглядка на читателя, когда в нем видят, с одной стороны, жертву, для которой писатель заготовил капкан, и одновременно охотника, от которого писатель бежит, петляя следы, как загнанный заяц, такое отношение к читателю со стороны писателя в какой-то мере идет из русской литературной традиции. Пушкин в „Евгении Онегине“, Гоголь в „Мертвых душах“ часто невзначай обращаются к читателю, порой с извинением, порой с просьбой или шуткой. Но подобное заигрывание с читателем также заимствовано из западных романов или, вернее, их предшественниц – уголовных хроник. Так вот, в лучших традициях этих хроник Достоевский прибегает к забавному приему: с подчеркнутой откровенностью он в самом начале сообщает, что совершено преступление. „Алексей Федорович Карамазов был третьим сыном помещика нашего

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
уезда Федора Павловича Карамазова, столь известного в свое время... по трагической и темной кончине своей...“ Такая нарочитая откровенность со стороны автора – не более чем литературный прием, цель его – сразу же заинтриговать читателя этой „трагической и темной кончиной“. Книга представляет собой типичный детектив, лихо закрученный уголовный роман, но действие разворачивается медленно. Исходная ситуация такова. Карамазов-отец – гнусный, распутный старик, одна из тех не вызывающих сочувствия жертв, тщательно намеченных предусмотрительным автором детектива для убийства. У него четверо сыновей – трое законных и один незаконный, каждый из которых мог быть убийцей. Младший, благостный Алеша – явно положительный герой, но, приняв однажды мир Достоевского и его правила, мы можем допустить, что даже Алеша способен был убить отца хотя бы ради брата Дмитрия, которому тот намеренно переходит дорогу, или внезапно восстав против сил зла, которые представляет отец, или по любой другой причине.

Сюжет развивается так, что читатель долгое время вынужден гадать, кто же убийца; более того, даже перед судом предстает невинный – старший сын убитого Дмитрий, тогда как настоящим убийцей оказывается незаконнорожденный сын Карамазова, Смердяков.

Следуя своему замыслу втянуть читателя в разгадывание тайны, что и составляет главную прелесть детективного жанра, Достоевский осторожно подготавливает в читательском сознании необходимый ему портрет предполагаемого убийцы – Дмитрия. Обман начинается с той минуты, когда Дмитрий после лихорадочных и тщетных поисков трех тысяч, которые ему так остро нужны, бросается вон из дому, прихватив с собою медный пестик. „Ах, Господи, он убить кого хочет! – всплеснула руками Феня“.

Девушка, которую любит Дмитрий, еще одна „инфернальная“ героиня Достоевского, Грушенька, становится объектом вождлений старика, пообещавшего ей денег, если она придет к нему. Дмитрий не сомневается в том, что она приняла предложение. Убежденный, что Грушенька у отца, он перепрыгивает через забор в сад и видит свет в окнах: „Он стоял за кустом в тени; передняя половина куста была освещена из окна. „Калина, ягоды, какие красные!“ – прошептал он, не зная зачем“. Когда он подошел к окну, он увидел, что „вся спальня Федора Павловича предстала перед ним как на ладони. Она была разделена поперек ширмами. Отец стоял у окна „в своем новом полосатом шелковом халатике, подпоясанном шелковым же шнурком с кистями. Из-под ворота халата выглядывало чистое щегольское белье, тонкая голландская рубашка с золотыми запонками. (...)... старик чуть не вылез из окна, заглядывая направо, в сторону, где была дверь в сад. (...) Митя смотрел сбоку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвисший кадык его, нос крючком, улыбающийся в сладостном ожидании, губы его, все это ярко было освещено косым светом лампы слева из комнаты. Страшная, неистовая злоба закипела вдруг в сердце Мити“, и, потеряв самообладание, он „вдруг выхватил медный пестик из кармана“.

Далее следует красноречивая фраза, состоящая из множества точек, опять же в лучших традициях увлекательных уголовных романов или кровавых детективов. Потом, словно переведя дух, автор снова заходит, но уже с другой стороны. „Бог, – как сам Митя говорил потом, – сторожил меня тогда“. Это могло бы означать, что его что-то остановило в последнюю минуту, но нет, сразу же после этой фразы стоит двоеточие, а за ним предложение, словно бы усиливающее предыдущее: „как раз в то самое время проснулся на одре своем больной Григорий Васильевич“. Так фраза о Боге, вместо того чтобы означать, как могло показаться вначале, будто ангел-хранитель вовремя остановил его на пути к преступлению, может также значить лишь то, что Бог разбудил старого слугу, чтобы тот смог увидеть и опознать удирающего убийцу. И здесь налицо интересный маневр: с той самой минуты, как Дмитрий убегает, и до его ареста на провинциальной ярмарке, где он ударился в загул вместе с Грушенькой (от убийства до ареста проходит 75 страниц), автор так строит сюжет, что словоохотливый Дмитрий ни разу не выдает своей невинности. Более того, когда он вспоминает слугу Григория, которого он ударил пестиком и, быть может, даже убил, Дмитрий ни разу не называет его по имени; просто „старик“, что легко можно отнести к отцу. Прием, пожалуй, слишком искусственный, выдающий чрезмерное желание автора обмануть читателя, заставив его поверить в то, что Дмитрий отцеубийца.

Позже на суде важно понять, говорит Дмитрий правду или лжет, утверждая, что три тысячи рублей были у него при себе перед тем, как он отправился к отцу. Иначе были бы все основания подозревать его в том, что он украл три тысячи,

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
приготовленные стариком для девушки, а это в свою очередь означало бы, что он вломился в дом и совершил убийство. И вдруг на суде младший брат Алеша вспоминает, что когда он видел Дмитрия в последний раз, перед ночным происшествием в саду, тот бил себя в грудь и кричал, что у него в этом самом месте (то есть на груди) есть то, что ему необходимо, чтобы выпутаться из его трудного положения. Тогда Алеша подумал, что Дмитрий имел в виду свое сердце. Теперь же он вдруг вспомнил, что даже в тот миг обратил внимание, что Дмитрий бил себя не в сердце, а много выше, там, где хранилась ладанка. Это воспоминание Алеши стало единственным, хотя и слабым доказательством того, что Дмитрий в самом деле достал деньги раньше, а значит, возможно, и не убивал отца.

Другое обстоятельство, которое легко могло бы разрешить все сомнения и спасти Дмитрия, начисто игнорируется автором. Смердяков признался Ивану, среднему брату, что настоящий убийца – он и что орудием преступления послужила тяжелая пепельница. Иван делает все возможное, чтобы спасти Дмитрия, однако это важнейшее обстоятельство на суде не упоминается ни разу. Если бы Иван рассказал суду о пепельнице, установить истину ничего не стоило бы. Надо было лишь осмотреть ее как следует, установить, есть ли на ней следы крови, и сравнить ее форму с очертаниями смертельной раны убитого. Но это не сделано, немаловажный промах для детективного романа.

Приведенный анализ достаточен для того, чтобы проследить развитие сюжетной линии Дмитрия. Иван, второй брат, уезжает из города, попустительствуя убийству, фактически он подталкивает Смердякова к преступлению, становясь тем самым его соучастником. Вообще Иван сильнее втянут в основную интригу, чем третий брат Алеша. Там, где заходит речь об Алеше, мы постоянно ощущаем, как автор разрывается между двумя независимыми сюжетами: трагедией Дмитрия и историей почти святого Алеши. В Алеше снова видится, как и в князе Мышкине, любовь автора к простодушному герою русского фольклора. Всю длинную, вялую историю старца Зосимы можно было бы исключить без всякого ущерба для сюжета, скорее это только придало бы книге цельности и соразмерности. И вновь совершенно независимо, в разрез с общим замыслом, звучит история Илюшечки, сама по себе замечательная. Но и в эту прекрасную историю о мальчике Илюше, его друге Коле, собаке Жучке, серебряной пушечке, капризных выходках истеричного отца – даже в эту историю Алеша вносит неприятный елеинный холодок. Вообще, когда автор изображает Дмитрия, его перо обретает исключительную живость, Дмитрий как бы постоянно освещен сильнейшими лампами, а вместе с ним все, кто его окружает. Но стоит появиться Алеше, как мы тотчас же погружаемся в совершенно иную, безжизненную стихию. Сумеречные тропы уводят читателя в угрюмый мир холодного умствования, покинутый гением искусства.

Примечания

1 В. Набоков вычеркнул следующее предложение: „Нет ничего удивительного, что заправили недавно свергнутого немецкого режима, основанного на теории сверхчеловека и его особых прав, тоже были или неврастениками, или обыкновенными уголовниками, или теми и другими одновременно“.

2 падшего создания (франц.). – Прим. перев.

3 По удивительной случайности Достоевский написал пародию на еще не созданное произведение Тургенева „Пожар на море“ (1883). Достоевский обыграл известный эпизод из жизни Тургенева (его поведение во время гибели парохода „Николай I“ в 1838 г.) и авторскую позицию в очерке „Казнь Тропмана“ (1870). – Прим. ред.

4 кульминация, сцена, которую с нетерпением ждет зритель (франц.). Прим. перев.

5 Пусть кровь неправая питает пашню! (франц.) – Прим. „Библио-течки“.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Федор Достоевский. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!